

ДИАЛОГ ЛИТЕРАТУРЫ И РЕЛИГИИ

Этимологию латинского слова *religio* возводят к глаголам *religare* (связывать, соединять) или *relegere* (вновь собирать, снова обсуждать, повторно посещать, вглядываться, перечитывать, тщательно обдумывать). В первом случае акцент в понятии «религия» делается на «связи человека с тем, что выше человека»¹; во втором — на «способности человека отойти от суеты, совестливо и тщательно вдуматься в то, что по-настоящему серьезно»².

На территории многонациональной Российской империи существовало множество религиозных традиций как языческих, так и монотеистических. Господствующее положение принадлежало Православной церкви, которая при поддержке государства, не всегда исключительно духовными средствами, заботилась о поддержании народного единства. Русские писатели XIX века и в силу своей принадлежности к Российской империи, и под влиянием духа «всемирной отзывчивости», о котором говорил в своей «Пушкинской речи» Ф. М. Достоевский, проявляли интерес к изображению религиозного опыта различных народов.

Так, например, ислам оказался в центре поэтического внимания А. С. Пушкина в цикле из девяти стихотворений «Подражание Корану» (1824). Интерес поэта к исламу связан, с одной стороны, с традицией эпохи Просвещения, увидевшей в идеализированном исламе очищенный от европейских предрассудков монотеизм, и с другой стороны — с романтизмом, увлеченно исследовавшим экзотические национальные колориты³. Знакомство Пушкина с мусульманской культурой, бытом

¹ Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 12.

² Биbihин В. В. Философия и религия // В. В. Биbihин. Язык философии. М., 1993. С. 273.

³ Аверинцев С. С. Гёте и Пушкин // С. С. Аверинцев. Собрание соч. Связь времен. Киев, 2005. С. 274–275.

и обычаями народов, населявших окраины Российской империи, нашло отражение в поэмах «Кавказский пленник» (1820–1821) и «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823).

С Кавказом были связаны судьбы М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого. Встречей с исламским миром навеяны сюжет турецкой сказки Лермонтова «Ашик-Кериб» и поэтические мотивы странничества, Востока, судьбы, книги в его лирических стихотворениях. «Клятва Демона» из поэмы «Демон» стилистически связана с высокой риторикой и внутренней силой ранних мекканских откровений:

Клянусь я первым днём творенья,
Клянусь его последним днём,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством¹.

Обычаи и нравы горцев-мусульман нашли отражение в автобиографической повести Толстого «Казачи» (1852), рассказах «Набег» (1852), «Рубка леса» (1853–1855), а также в поздней повести «Хаджи-Мурат» (1896–1904).

С большим интересом относился Толстой к буддизму. Он был не только знаком с трудами крупных ученых-буддологов своего времени, но и сам стал автором переводов более сотни буддийских притч и сказаний. В 1905 году вышел составленный писателем краткий очерк о жизни Будды «Сиддхардха Гаутама, прозванный Буддой». Черты буддистского мировосприятия присущи герою романа «Война и мир» Платону Каратаеву: он ни к чему и ни к кому не привязан, не испытывает никаких неудобств или страданий в плену, свободен от рационалистических мыслительных схем: «Он видимо никогда не думал о том, что он сказал и что скажет...»; «Часто он говорил совершенно противоположное тому, что говорил прежде, но и то, и другое было справедливо»². Герои «Анны Карениной» или кружатся в бесконечном колесе сансары, образом которого в романе становится скачка на ипподроме, или «стоят на самом краюшке и ясно видят жизнь только от того, что глядят то в нирвану, в беспредельность, неизвестность, то в сансару, и этот взгляд в нирвану укрепляет зрение» [LXII, 272].

Иудаизм был хорошо знаком русским писателям по книгам Ветхого Завета, входившим в состав христианской Библии. Так, пламенная речь

¹ Лермонтов М. Ю. Собр. соч. В 6 т. М.; Л., 1955–1957. Т. 4. С. 208.

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. В 90 т. М., 1992 (репринт, 1928–1958). Т. XII. С. 49, 50. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

пророков, в первую очередь пророка Исайи, вдохновляла поэтов-декабристов; горькая мудрость Экклезиаста не раз звучала в романах и повестях И. С. Тургенева; красоту и силу любви, воспетую автором «Песни песней», перелагали в стихи Г. Р. Державин («Соломон и Суламита», 1808), А. С. Пушкин («В крови горит огонь желанья...», «Вертоград моей сестры», 1825), А. А. Фет («Подражания восточному», 1847), Л. А. Мей («Еврейские песни», 1849—1859) и др.

Мир русского религиозного «разноверья», включающий в себя старообрядцев и сектантов различного толка, стал предметом художественного исследования в творчестве П. И. Мельникова-Печерского и Н. С. Лескова.

Близость России к Европе обусловила появление в русской литературе образов западных христианских конфессий: католицизма и протестантизма. Так, изображение польских соседей у Пушкина («Борис Годунов») или Гоголя («Тарас Бульба») неизбежно ставило перед писателями проблему притяжения-отталкивания западно-католического и православно-русского миров. Католический восторг перед Девой Марией в балладе Пушкина о Бедном Рыцаре «перекочевал» в роман Достоевского «Идиот». Шиллер и Гете, а через них вся культура лютеранской Германии, стали устойчивым претекстом всей русской литературы XIX в.

Через посредство западноевропейских литератур русские писатели получили прививку благородного язычества Античности. Русская литература не только усвоила формы античной литературы, но вместе с ними впитала в себя и некоторые религиозные в своей сути идеи античного мира: столкновение личности с силами Рока, дихотомия Космоса и Хаоса, Дионисийского и Аполлонического начал, гармония, мера, число как мирообразующие начала.

При всем многообразии религиозного опыта, так или иначе входившего в сферу творческого внимания русских писателей, основной культуuroобразующей силой для русской литературы XIX в., безусловно, оставалось восточное православное христианство.

«Механизмы» влияния православия на русскую культуру описываются исследователями по-разному.

В первую очередь нужно отметить, что сам русский язык, основной материал литературы, возникал не без участия Православной церкви. Когда равноапостольные Кирилл и Мефодий переводили с греческого языка на славянский богослужебные книги, они не просто создавали письменную форму уже существовавшего устного языка, но формировали «всё поле отвлечённых или культурных понятий, которыми

Господня», «святое песнопенье», несущее в себе «звуки рая». Правдивому и прямому слову гражданского призыва противопоставлялась неземная песнь, завораживающая своей красотой и инобытийностью, умиряющая, врачующая душу. Поэтическое слово, призванное передавать звуки Давидовой арфы, оказывалось принципиально многозначным и подчеркнуто фонетически оформленным, что давало ему возможность «навевать на душу» то, что нельзя высказать словами.

Обе поэтические традиции использовали библейские образы не в религиозных целях, а для воплощения своих творческих установок и принципов. Библия и в целом православная христианская традиция уже в XIX в. стали превращаться в «великий код искусства», который «работает» безотносительно к тому, как автор или читатель отвечает на вопрос о его подлинности и истинности.

В заключение отметим, что в XIX столетии имели место редкие, но весьма плодотворные попытки построения подлинно диалогических отношений между Церковью и светской культурой, между религией и литературой.

Со стороны Церкви пионером такого диалога выступил архим. Феофор (Бухарев), известный как автор книги «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году» и целого ряда статей о русской литературе и искусстве.

Из плеяды русских писателей на ниве церковно-культурного диалога особенно потрудились двое: Лесков и Достоевский. Если заслуга Достоевского состоит в том, что он в своем творчестве предельно остро и современно поставил проблему оправдания Бога и оправдания человека, то Лесков создал особую художественную систему, позволяющую читателю за языковым узорочьем и плотным богатством его текстов прозревать иконописные лики «русских праведников».

Контрольные вопросы и задания

1. Какие религиозные системы и почему стали предметом художественного исследования в русской литературе XIX века?
2. Назовите основные направления взаимодействия русской литературы с христианской традицией. Приведите примеры такого рода взаимодействий.
3. Какие проблемы определяли в XIX веке отношения представителей православной Церкви и русского образованного сословия?
4. Перечислите «модели» церковно-литературных отношений, характерные для русской культуры XIX века.